

© 1996

Карпенко О.Б.

ЛИЧНОСТЬ ПЕТРА I С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОНИКИ

Доказана принадлежность Петра I к типу ●□ (ESTP, СЛЭ), описан, с точки зрения соционики, ряд исторических лиц петровской эпохи.

Ключевые слова: соционика, тип информационного метаболизма, сменяемость квадрант, история, Россия.

Определение соционических типов реальных исторических личностей представляет огромный интерес. Такого рода анализ может преследовать различные цели: это и простое расширение списка примеров, на которых можно проиллюстрировать те или иные особенности поведения и мышления типа; это и способ более полного овладения аналитическим аппаратом соционики, своего рода проверка собственных познаний; это и набор фактического материала для дальнейшего анализа течения исторических процессов; это, в конце концов, удовлетворение любопытства.

Выполнение такой работы сопряжено с целым рядом трудностей. Первая из них - невозможность "прямого тестирования", т.е. выяснения соционических аспектов в непосредственном контакте, "глаза в глаза". Нельзя задать вопрос и получить такой ответ, который можно было бы однозначно истолковать в терминах соционики. Ответы большей частью косвенные, и более того, не из уст "испытуемого", а через свидетельства современников, близких, летописцев, историографов. Это порождает вторую сложность - необходимость вычленения реальных мотивов, отделения их от субъективных интерпретаций биографов, мемуаристов. Здесь иногда приходится сталкиваться с прямой фальсификацией психологической канвы реальных событий. Далеко не каждое описание психологических черт конкретного человека дает возможность судить о его типе. Помимо того, что на такое описание накладывает свой отпечаток личность автора (и его тип), его отношение к происшедшим событиям и реакции героя на них, его отношение к описываемой личности, его часто пристрастное отношение к мотивам и действиям исторических лиц, произвольное толкование побуждений и реконструкция (а, следовательно, домысливание) реакций героя, помимо этого далеко не каждая психологическая характеристика дает основание для собственно **соционического**, типного анализа. Приходится сравнивать различные описания одних и тех же моментов, и тут дает себя знать еще одна сложность - бедность нашей исторической литературы и нищета наших библиотек.

В преодолении этих проблем и происходило данное исследование.

Обратиться к личности Петра I вынудили два противоречия: собственного представления о нем и бытовавшего в кругу социоников отнесения его к типу ИЛЭ, а также то, что такое определение его типа никак не укладывалось в активно развивавшуюся концепцию сменяемости квадрант в историческом процессе, которая предполагает на его месте человека второй квадрант.

Многочисленные дискуссии по этому поводу редко опирались на фактический материал. Поэтому пришлось изучить целый ряд работ историков. Анализ свидетельств современников (особенно интересен взгляд англичанина Уитворта), многочисленных "психологических портретов" (литература, обильно издававшаяся в конце XIX - начале XX века) подводили к мысли о том, что Петр I относился к типу СЛЭ. Это мнение подкреплено и имеющимися описаниями его отношений с сыном Алексеем, А.Д.Меньшиковым, вообще с русским боярством, его вкладом в создание Российской империи. Убедиться в правильности такого вывода позволила книга К.Яроша "Психологическая параллель. Иоанн Грозный и Петр I".

С точки зрения соционики, эпоха строительства Российской империи соответствует периоду второй (β) квадрант в историческом процессе - создание государства, четкой государственной структуры и иерархии реализуется как правило второй квадрант, ибо это является проекцией в социальную, политическую жизнь глубинных устремлений представителей этой квадрант, проявлением духа квадрант. Структурная логика - одна из центральных квадрантных ценностей - так проявляет себя - в одной из наиболее сложных структур - государственной.

Закономерен интерес к личностям, осуществляющим этот исторический процесс. Попытаемся провести соционический анализ личности Петра I и его окружения.

Нужно подчеркнуть, что петровская и постпетровская историография совершили значительную фальсификацию предстоящей эпохи. Впечатление, что все достижения Российского государства обязаны деятельности Петра по трансформации русского общества, что предыдущие эпохи были периодом мрака и невежества, безграмотности и прозябания, впечатление это во многом создано искусственно: по приказанию Петра I уничтожались исторические и литературные памятники, летописи, свидетельства очевидцев, взамен создавались документа, прославляющие деятельность великого реформатора.

Надо отметить, что в истории Государства Российского это не единственный пример “непредсказуемого прошлого”. Сходным образом искоренялась память об языческом прошлом во времена крещения Руси или подтасовывались данные социально-экономического развития России в недалеком прошлом (сравнение с 1913 годом вошло уже в поговорки).

Причиной тому - интегральный тип российской ментальности - $\Delta \blacksquare$ (INFP, ИЭИ). Необходимость переосмысления собственного прошлого, заложенная в Δ^- , будучи эмоционально окрашена $\blacksquare^+$ и наделена почти мистической способностью влиять на настоящее и будущее - приводит к творчеству истории - не только сегодня, но и в прошлом, и в будущем. А уж то, что ведется это переосмысление столь жесткими, насильственными методами - определяется $\bullet$. Таким образом четверка аспектов - ценностных установок квадры β - оказывается полностью включена в процесс историко-государственного творчества. И, с другой стороны, именно государственное строительство наиболее привлекает представителей этой квадры.

Но ничто не остается без воздаяния. Описания личности Петра и петровской эпохи грешат откровенным субъективизмом. Одни в нем видели великого реформатора, единым движением вырвавшего Россию из полусонного невежества и приобщившем её к мировой культуре и истории, другие - деспота, нарушившего закономерный, постепенный и уникальный ход культурного и исторического развития страны, разрушителя и варвара. Полярность этих точек зрения прослеживается при сравнительном чтении описаний практически всех ситуаций жизни Петра и характеристик лиц, его окружавших. В данной работе будет много прямых цитат, и некоторые из них являются хорошей иллюстрацией этого положения. Но мне хотелось сохранить как можно больше именно авторского, оригинального текста - мне кажется, что убедительность аргументации теряется в пересказе, и мне не хочется приносить собственные оценки туда, где читатель может сделать выводы самостоятельно.

Обратимся теперь собственно к истории. Из наших дней, сквозь призму петровской и постпетровской историографии Россия XVII века представляется погруженной во тьму, мракобесие, беспомощность и косность. А ведь во времена правления Алексея Михайловича грамотность вовсе не была редким исключением. Наиболее распространенным литературным жанром были письма и летописи, причем ведение летописей вовсе не было прерогативой официальных летописцев - дьякон в небольшом городке уже считал своим долгом вести записи происходящих на его глазах событий, эти многочисленные, небольшие, наивные, но весьма подробные записи могли бы составить развернутую картину тогдашней жизни, но в подавляющем своем большинстве были уничтожены по прямому распоряжению Петра. Что уж говорить об указе, запрещавшем “писать запершись” и грозившем суровыми наказаниями не только “писакам”, но и тем, кто знал - и не донес.

Насколько этот подход противоречит облику Алексея Михайловича, характеризующего как “любопытный и приятный, но более благородный, чем практически полезный правитель”.

Он очень любил писать письма и писал их во множестве, по любому поводу, откликаясь даже на незначительные события. “Он жадно впитывает в себя “яко губа наполняема” впечатления от окружающей его действительности. Его занимает и волнует все одинаково: и вопросы политики, и военные реляции, и смерть патриарха, и садоводство, и вопрос о том, как петь и служить в церкви, и соколиная охота, и театральные представления, и буйство пьяного монаха в его любимом монастыре... Ко всему он относится одинаково живо, все действует на него одинаково сильно: он плачет после смерти патриарха и доходит до слез от выходок монастырского казначея... В увлечении тем или иным предметом царь не делает видимого различия между важным и неважным.

И не только исключительные события его личной и государственной жизни, но и самые обыкновенные частности повседневного быта легко поднимали его впечатлительность, доводя его порою до восторга, до гнева, до живой жалости” [8].

Отмечают его склонность к чтению - он был одним из самых образованных людей московского общества того времени. Его отличала глубокая религиозность, забота о спасении души, мягкость: не мог круто разделаться с виновными, прогнать самоуправца. Но нравы того времени дают себя знать: “не смотря на внешнее добродушие и действительную доброту, Алексей Михайлович, по живости духа, нередко давал волю своему неудовольствию, гневался, бранился и даже дрался... Был в своем гневе непостоянен и отходчив, легко и искренне переходя от брани к ласке”.[8]

Но вот очень характерное замечание: “не умел и не думал работать”[8]. Для пояснения такой его черты приводится притча о крестьянах, везущих на подводе в гору тяжелый груз. Видящие это прохожие бросаются им помогать, но те останавливаются, - мол, толкать тяжесть - это не сложно, но **“кто же нам кричать будет?”**. Вот в общем государственном деле XVII века царь Алексей и был таким человеком, который сам не работал, а своею суетою и голосом давал ритм для тех, кто трудился.

В целом - достаточно полное описание *интуитивного, иррационального, этического* типа личности. Уточнить шкалу экстраверсия - интроверсия не удалось ввиду малого разнообразия материала, но предположительно - $\Delta \blacksquare$ (INFP, ИЭИ).

Этот облик “тишайшего” Алексея Михайловича резко контрастирует с поведением и деятельностью Петра I, который “проникнувшись одной какой-нибудь идеей мог энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолевать неудачи, всего себя отдать практической деятельности.

Сын и отец совсем несходны по характеру: в царя Алексея не было той инициативы. Какая отличала характер Петра. Стремление Петра всякую мысль претворять в дело совсем чуждо личности Алексея Михайловича, мирной и созерцательной, Боевая, железная натура Петра вполне противоположна живой, но мягкой натуре его отца.” [8].

Творческая, активная, деятельная натура Петра требовала прежде всего не познания и размышления, а действия и натиска - сенсорно-определенного, практичного, результативного. Все историки и очевидцы отмечали широту интересов Петра и его обширные практические навыки. Вот свидетельство Ч.Уитворта, английского посланника: “надо удивляться, как много его величество сделал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям государя, его любознательности и трудолюбию¹. Невзирая на неудовлетворительные стороны своего воспитания, он трудом и наблюдательностью приобрел почти универсальные познания... Он прошел все ступени должностей в армии - от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте - от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях - от простого плотника до корабельного мастера. Он сам прекрасный мастер и ... собственноручно построил корабль, который, по общим отзывам, ничем не уступает прочим судам русского флота... Он любит своих солдат, сведущ в навигации, кораблестроении, фортификации и пиротехнике” [13].

“Цепкость, стремительная сообразительность и постоянно возбужденная сила петровского ума” [14], - ёмкая характеристика для сенсорного экстраверта.

В широте контактов, интересов, действий, мы видим явное проявление сенсорной экстраверсии: “он привык смотреть вперед, но отправлялся он несомненно от наличных условий, его подталкивавших и наводивших его мысль на ближайшие и отдаленнейшие перспективы [14].

“Гениальность Петра сказывается главным образом в умении находить средства, нужные для его цели, и идти неуклонно к этой цели, и в особенности - в окончательном уяснении, в чем состоит эта цель...

Он и корабли строил, и артиллерию изучил, и зубы дергал, и во всем он сам мог экзаменовать и все он сам мог показать... Обстановка детства развила в нем врожденную способность узнавать людей помимо внешних отличий, находить каждому занятие, соответствующее его способностям. Но воздавая каждому должное, Петр с каждого требовал работы неустанной: он по своему опыту знал, что может сделать человек, и требовал, чтобы каждый сделал все, что мог сделать.”[3] - весьма

---

¹ - Для Уитворта вообще весьма удивительной была такая реакция широких слоев населения на ломку их жизненного уклада в результате петровских реформ. Но для нас это может послужить иллюстрацией отклика даже на весьма неожиданные поступки дуала: тип Российской ментальности - ИЭИ - дуален СЛЭ.

характерное для ●□ (ESTP, СЛЭ) свойство - умение расставить людей по местам для быстрого решения конкретной, практической задачи.

Это отнюдь не интуитивная, а ярко окрашенная *волевой сенсорикой* экстраверсия. И наиболее ярко эта функция проявилась в военном деле, в стремительности принимаемых решений и в упорстве в достижении победы. Военные успехи говорят сами за себя и не нуждаются в соционических толкования. Отметим только один момент - речь идет о ● со знаком “—”, то есть, проявляющей себя наиболее ярко в ситуации, стеснённой во времени, пространстве и силах. И действительно, большинство побед Петра одержано над численно превосходящим соперником. Более того, в тех ситуациях, где численное превосходство было на стороне русской армии, военное счастье «отворачивалось» от него, и реванш удавалось взять в гораздо худших и опасных условиях.

Но ● видна не только в своих положительных, конструктивных проявлениях, но и во взрывчатых, агрессивных, плохо управляемых всплесках: “От царских, и притом очень частых побоев, не ушли и самые близкие Петру люди, - Лефорт и Меншиков. Тем менее Петр церемонился с другими, к которым не питал личной привязанности. Тут не только гнев, но и веселое расположение духа Петра давали большой простор для всякого рода унижений или “ругательств” над удостоившимися царского внимания”[14]

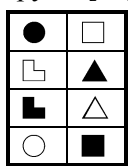
Состояние ярости, бешенства часто пугало его близких, но и в спокойные минуты Петр вовсе не отличался кротостью. “Царь имеет добрый нрав, но очень горяч, правда, мало-помалу научился сдерживать себя, если только вино не подогревает его природной вспыльчивости. Он, безусловно, честолюбив, хотя внешне очень скромен; недоверчив к людям, не слишком щепетилен в своих обязательствах и благодарности; жесток при вспышках гнева, нерешителен по размышлению, не кровожаден, но своим характером и расходами близок к крайности... Под первым впечатлением государь вспыльчив и грозен, но, подумав, он становится осмотрительным и нерешительным... Царь слишком умен, чтобы разоряться, вредя другим” [13]

“В делах любви он явился таким же реалистом-практиком, каким он вообще был в отношениях своих к служилому люду; за любовь он платил, хотя и умеренно, деньгами и подарками, рассматривая и этого рода отношения как бы службой себе, а когда платой жрица любви оказывалась недовольна, то он парировал такое указание тоже указанием, что за те же деньги ему “служат старики с усердием и умом”” [14]

Наиболее важным делом, центром внимания Петра было государственное строительство. Оно занимало все его помыслы и отнимало всё его время. “Забота о могуществе государства, об его политическом значении была первою заботою Петра, все остальное было средством к достижению этой цели”[3]. И для достижения этой цели использовалось широкое разнообразие средств. Во имя этой цели развивалась промышленность - на новом, в России до того не виданном уровне, с применением новейших средств и машин. Во имя этой цели началось развитие предпринимательства, торговли, создание армии и флота, большое внимание уделялось образованию и обучению. Но ни промышленное развитие, ни военные успехи, ни новый образовательный уровень не являлись самоцелью - все это служило укреплению и становлению российской государственности. И в этом смысле, Петр I действовал как представитель своей - β - квадры, и воплощал архетипическую □* этой квадры.

Обратной стороной преувеличенного внимания к аспекту □ является недооценка □.

“Все интересы Петра сосредоточивались исключительно на административной деятельности: нравственные вопросы были почти совершенно чужды ему. Всякий поступок Петр оценивал не по сообразности его с нравственным законом, но по мере его пользы или вреда для государственного благоустройства. Мы не видим никакой нравственной идеи, которую бы старался осуществить Петр своею жизнью: правда, он в течение всей своей жизни постоянно словом и примером проводил идею труда”[12]

Это суждение, продиктованное явно от аспекта □, может лишь иллюстрировать уязвимое, слабое, *четвертое* место этой функции в модели типа Петра.

Пушкин, горячо интересовавшийся петровской эпохой и личностью царя-реформатора, чутко подметил: “Достоинна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется,

писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика”. [11]

Вполне вписывается в характеристику ●□ (ESTP, СЛЭ) и склонность Петра держаться ближе к его домашней челяди, чем к высшим слоям придворного штата и к знати [8], а также стремление к небольшим, не ярко освещённым помещениям (эта особенность представителей квадраты β объясняется выделенностью для них второй базовой перинатальной матрицы Графа - подробнее см. [15])

«Живет очень скромно. Будучи в Москве, никогда не поселяется во дворце, а поселяется в маленьком деревянном доме... Он не держит ни двора, ни выезда...

Совершенно упразднил эти церемонии, не учредив никакого другого двора... причина кроется скорее в особенностях его характера, которому противны подобные условности. [13]»

“Петр не любил семейной сферы; вся его жизнь ушла на государственную деятельность. Построение кораблей, обучение войска, учреждение Сената и Коллегий, устройство фабрик и заводов, реформа общественной жизни по всем ее отраслям - вот на чем сосредоточивались все помыслы Петра.

Супруга Петра могла быть только или печальной затворницей, сетующею на вечное отсутствие и невнимательность мужа (такова была Евдокия Лопухина), или покорною женщиною, способною всюду следовать за Петром в походах и пиршествах, равнодушно и невзыскательно смотреть на сцены буйного веселья и не оскорбляться никакими циническими выходками (такова была Екатерина I)” [12]

Интересно взаимодействие Петра I с А.Д.Меньшиковым. Светлейший князь сыграл в развитии событий одну из центральных ролей. Его близость Петру многих удивляла и многих возмущала. При «подчёркнутой недемонстративности» Петра стремление Меньшикова быть на виду и в центре событий, я думаю, заставило многих переоценивать его влияние на глобальные, серьезные, долговременные решения Петра, а других - раздраженных его манерой поведения - недооценивать его вклад в сиюминутных, острых ситуациях.

“Близость царя и фаворита походила скорее на любовь, чем на дружбу, они часто ссорились и постоянно мирились,.. хотя любой из этих случаев мог оказаться фатальным. От имени царя он пользуется неограниченной властью во всех делах, свои личные страсти ставит выше любых интересов, чем часто противоречит приказам царя, и если дело доходит до разногласий, обычно старается скрыть предмет спора от своего повелителя.

Это человек очень низкого происхождения, необыкновенно порочных наклонностей, вспыльчивый и упрямый... Низкое происхождение не дало ему случая получить образование, а прямое возвышение на высшие должности помимо всякого подчинённого положения лишило его возможности сделать личные наблюдения или научиться чему-нибудь из собственного опыта. Между тем, он своим рвением и вниманием к царской воле сумел войти в беспримерную милость к царю... Ничто не делается без его согласия, хотя он, напротив, часто распоряжается без ведома царя в полной уверенности, что распоряжения его будут утверждены.

Его влияние на гражданские и военные дела равно безгранично, т.к. царь обыкновенно следует его решениям, подчас даже вопреки собственному мнению. Говорят, впрочем, будто это влияние слабеет. Характер его вообще непривлекателен, чтобы не сказать более. Для военного дела он не обладает ни знанием, ни опытностью, ни способностью научиться чему-нибудь, ни храбростью в деле.” [13] - это одна точка зрения. Вот другая: “Никого из соратников Петра нельзя поставить на одну доску со светлейшим по вкладу, лично внесённому в разгром шведов” [6].

И если в отношении Петра историографы расходятся прежде всего в оценке целесообразности произведенных им преобразований и методов их осуществления, сохраняя определённое согласие в описании (не в оценке!) его психологических качеств, то в жизнеописаниях Меньшикова встречаются прямые противоречия и несообразности. Заметно это и самим историком. Чего стоит такое замечание: “Факт неграмотности Меньшикова вступает в вопиющее противоречие с другим хорошо известным фактом: он не презирал учёность и высоко ценил знания” [6]. И дело, наверное, в видимой противоречивости этого характера, если рассматривать его через призму логического анализа действий героя.

В целом же, прорисовывается образ ●□ (ESFP, СЭЭ): “В известной мере ему были свойственны и невероятная напористость и способность действовать очертя голову.

Не меньше, чем самолюбием, светлейший был наделён высокомерием.

Менее суровым Меншиков выглядел в отношениях с подчинёнными и вельможами, которые... не соперничали с ним в фаворе или не выказывали к нему пренебрежения. К подчинённым, безропотно выполнявшим его волю, князь проявлял снисходительность, даже если те ошибались, и готов был взять их под защиту, если кто-либо притеснял их в такой степени, что наносил ущерб его престижу.

«Своих» он опекал, протезировал им при назначениях на должность в правительственные учреждения всех уровней, следил за продвижением по службе. Те, обязанные ему карьерой, готовы были всегда, как тогда говорили, «отслужить» своему патрону».[6]

“Заботливый отец семейства, добродетельный супруг, вельможа, умевший прощать промахи подчинённым, он в то же время был беспощадным к тем, кто стоял на его пути в власти” - соединение ● (стремление к власти) и □ (потребность опекал, заботиться, прощать).

Отношения Меншикова с Петром обладают характерной для *родственных отношений* цикличностью *эмоциональных* (■) и *этических* (□) проявлений - периоды близости и охлаждения, полного согласия и совершенного неудовлетворения, но все это при глубоком внутреннем сходстве, обусловленном одним и тем же аспектом первых функций (в данном случае - ● - *сенсорика волевых проявлений, напора, натиска, настойчивости и упорства*). И характерная для *родственных отношений* легкость перехода от неприятия к согласию и обратно.

Наиболее трагический характер в биографии Петра носят его взаимоотношения с сыном Алексеем. На сложную психологическую ситуацию отношений *конфликта* (а Алексей принадлежал к типу □▲ (INFJ, ЭИИ) - *конфликтеру* типа ●□ (ESTP, СЛЭ)) наложилось противостояние двух течений в культурной и политической жизни страны - поддерживавшего петровские реформы и стремившегося сохранить самобытность этнокультурного облика России. Противостояние это не закончилось ни гибелью Алексея, ни смертью Петра, ни последовавшими столетиями. “Славянофилы не любят его вследствие глубокого уважения и сочувствия к древней Руси, которую Петр безжалостно губил своею реформою; западники - вследствие проникновения идею гуманности, которая была совершенно чужда деятельности Петра и о существовании которой он едва ли догадывался”[12] - это говорит уже век XX.

“Первые года младенчества Алексея были, быть может, временем наилучших отношений отца к сыну”.[12]

В течение 13 лет (от 9 до 20 года жизни царевича) царь виделся не более 5-7 раз с сыном и почти всегда обращался к нему со строгим выговором.

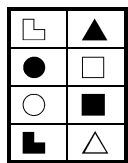
“Царевич был любознателен: от путевой расходной его собственноручной книжки мы видим, что во всех городах, где он останавливался, покупал почти прежде всего книги и на значительные суммы... Книги эти были не одного духовного содержания, но и исторические, литературные, карты, портреты, осматривал везде достопримечательности.

Царевич принимал живое участие в судьбе своих друзей и старался им помогать и служить деньгами, советами, ходатайством в местах, подавал много милостыни. Готов был сознаваться в своих ошибках или увлечениях.

Осторожность, скрытность, боязнь видные в письмах Алексея, свидетельствуют не только о холодных, но даже враждебных отношениях у сына с отцом. В одном письме царевич называет благополучным временем то, когда отец уедет.

Гюйсен (русский агент по зарубежной печати) об Алексее: “у него есть честолюбие, сдерживаемое благоразумием, здравый смысл, большое желание отличиться и приобрести все, что считается нужным для наследника большого государства; он уступчивого и тихого нрава и показывает желание пополнить большим прилежанием то, что было упущено в его воспитании. Я замечаю в нем большую склонность к набожности, справедливости, прямоте и чистоте нравов... Его величество позволили ему не соблюдать строго постов, из страха, чтоб это не повредило его здоровью и силам, но он не хочет пользоваться этим разрешением из набожности”. Религиозность была глубоким качеством Алексея, и в тяжелейшую минуту - уже в тюрьме - почти единственной его просьбой была просьба о духовнике (втайне от Петра) [10].

“Забытый, загнанный, униженный” - это характеристика и его внутреннего состояния, и реального положения в семейной и политической обстановке, и психологическая предрасположенность Алексея (как тут не вспомнить название романа Ф.М.Достоевского - «Униженные и оскорбленные»).

Взгляду соционика очевидны и интроверсия, и интуитивность Алексея, и свойственная δ квадре приверженность к старине, традиции, установившемуся порядку, явно выраженная *этика отношений* $\square$ и столь же явная слабая *волевая сенсорика* $\bullet$. Всего лишь несколькими штрихами, но вполне явственно прорисованный образ $\square\blacktriangle$ (INFJ, ЭИИ).

“Несчастный царевич Алексей пал жертвой своей неспособности понять законность требований отца, своей созерцательной природы, которой противна была безустанная деятельность”[3] - и так тоже можно сформулировать суть этого конфликта.

Симпатия царевича к приверженцам старины, питаемая не только его психологической склонностью, но культивируемая и поддерживаемая враждебным Петру окружением, тоже служила источником напряжённости между отцом и сыном. До тех пор, пока не стоял вопрос о **наследстве** - наследовании трудам и помыслам отца, ещё возможен был компромисс и попытки найти общий язык и примирение. «Сын постарается разрушить все, что создал отец», - эта мысль терзала сознание Петра, посвятившего свою жизнь разрушению прежнего уклада жизни и созданию нового государственного порядка. В сыне он не видел - и не мог видеть - наследника, последователя, продолжателя своего дела. Противоположность целей, установок, ценностей, мотивов, стремлений - то, что составляет основу *конфликта* в информационном метаболизме, - многократно умножалась делением общества на два лагеря - противников преобразований и сторонников реформ, каждый из которых вносил свою лепту в развитие этого *конфликта* и приближал его трагическую развязку.

Дипломатия Петра во время бегства Алексея в Австрию раскрывает в нем “человека, опирающегося на материальную силу и, в случае отказа, готового поддержать свои требования вооруженною рукою. Угроза всюду стоит в дипломатии Петровой как убедительнейший аргумент.

Все письма его к цезарю и сыну проникнуты необыкновенною энергиею, резонностью и целесообразностью; в них собрано все, что могло бы расположить цезаря к выдаче беглеца, а царевича к возвращению в отечество.

Петр позволил своим уполномоченным прибегать к подкупам и другим низким средствам, не стыдился употреблять лживые обещания, позволял себе искажать факты и вообще нисколько не заботился о сохранении истины.

Петр скорее мог простить отступление от общих нравственных законов, чем личное оскорбление; за личное же оскорбление он мстил жестоко, безжалостно и неумолимо.

Петр никогда не любил действовать кроткими мерами и преклонять людей на свою сторону нравственным влиянием; нет, он предпочитал действовать суровыми средствами, грубою физическою силою, насилием и принуждением.

Наделав во время борьбы довольно зла, оставив следы, отмеченные слезами и кровью, Петр не останавливался, но шел вперед, как человек с чистою и не отмеченною совестью...”[12]

“Он желал на его дело наложить печать молчания и забвения. С этой целью по окончании суда над царевичем государь издал строгий указ, запрещавший всем и каждому, кроме учителей церковных, писать что-нибудь запершись, под угрозою строгого наказания не только самим писателям, но и тем, кто знает, но не донесет о них.”[12]

Так постепенно перед нами раскрывалась личность Петра и его соционический тип. Думаю, что уже нет сомнений - это $\bullet\square$ (ESTP, СЛЭ) - один из наиболее деятельных представителей квадры β . Но если дух квадры β явственно прослеживается в результатах петровской деятельности, - повторюсь, важнейший из них - построение мощного государства с развитой иерархией власти - Российской империи, то у некоторых социоников возникло искушение отнести Петра к типу $\blacksquare\triangle$ (ENFJ, ЭИЭ) - программатора этой квадры. К счастью, мне не пришлось выстраивать цепочку возражений - практически полная аргументация несостоятельности этой гипотезы содержалась среди работ, посвященных сугубо психологическим качествам Петра I.

Одной из любимых тем тех, кто рассматривал личность Петра, стало сравнение двух великих самодержцев: Петра I и Ивана Грозного. Отметим, что для самого Петра личность и деятельность Ивана Грозного были предметом уважения, внимания, в некотором смысле - сравнения и подражания. Я приведу лишь небольшую цитату из многочисленной литературы, прослеживающей сходство и различие этих людей, а заинтересовавшихся отошлю к другому тексту - обширной книге К.Яроша [15], написанной столь "соционическим" языком, что портреты двух типов: ●□ (Петр I) и ■△ (Иван Грозный) очерчены необыкновенно ярко.

"В различном отношении к совести мы находим существенное различие между Петром Великим и Иоанном Грозным.

Оба они были очень умны, суровы и самовластны, оба царствовали подолгу; оба оставили по себе прочную память в народе и вечный, неизгладимый след в истории нашего отечества. Есть значительное сходство в отдельных фактах их жизни. Оба стремились проложить доступ к Балтийскому морю и потому вели долгие и упорные войны...; оба в течение своего царствования не раз повторяли кровавую трагедию пыток и казней; оба, дабы насладиться самоощущением безграничной силы, сажали на престол подданных, а сами нисходили в круг простых людей, отменяли все атрибуты царского достоинства, но удерживали при себе всю власть; наконец... оба были виновниками смерти собственных сыновей... Если припомнить притом, что Петр из всех своих предшественников наиболее симпатизировал Ивану Грозному, то сходство обоих государей становится разительным.

Но при всем сходстве есть и различие... Душа Иоанна была постоянно волнута нравственными и религиозными вопросами, совесть постоянно беспокоило его; никакие казуистические толкования и извинения не могли успокоить ее; от того жизнь Иоанна была преисполнена внутренней борьбой и душевными страданиями. "Угрызания совести без раскаяния" так определяет Карамзин состояние души Иоанна. От этого в поступках Иоанна замечаются значительные неровности; он то ударялся в аскетизм, надевал монашескую рясу, думал подвигами покаяния и умерщвления плоти загладить свои грехи перед Богом; то снова бросался в разврат и жестокости, думая этим заглушить неумолкаемые упреки совести.

Петр был не таков; в нем не замечается таких крупных переходов от разгульной жизни к аскетизму; он был постоянно ровен и верен себе; нравственные вопросы его не беспокоили, совесть не мучила и странно было бы предполагать, что Петр когда бы то ни было мог оставить государственную деятельность, надеть монашеский клобук и предаться подвигам покаяния и умерщвления плоти...

В истории убиения сыновей лучше всего сказалось внутреннее различие обоих государей. Иоанн убил сына нечаянно, в припадке гнева и потом горько плакал, молил лекарей о возвращении несчастному жизни, называл себя сыноубийцею, говорил, что ему не следует царствовать, а остается только удалиться в монастырь и в тихом уединении оплакивать свои грехи, говорил, что Бог лишением сына покарал его за прежние преступления, наконец послал в Палестину несколько тысяч рублей на поминовение души убиенного Иоанна. Напротив того, Петр вел борьбу с сыном несколько лет, судил его несколько месяцев, был виновником его смерти обдуманно и сознательно. Наложивши свой тяжкий гнев на сына при его жизни, Петр, по-видимому, не простил сына и по смерти...

Различие внутренней жизни Петра Великого и Иоанна отразилось и в их физиогномиях. Лице Иоанна изрыто морщинами, взор суровый и мрачный; на всей физиогномии лежат следы многих душевных бурь, потрясений и страданий. Это лицо страстное, но вместе с тем и страдальческое. - Взор Петра полон огня и бодрости, лицо носит выражение энергии, силы воли и озабоченности текущими интересами, но ни малейших следов того, что называется душевными страданиями"[12]

И в этом тексте прослеживаются общие квадровые установки и особенности, и существенные отличия в способах их проявления и жизненной реализации, свойственных ●□ (ESTP, СЛЭ) и ■△ (ENFJ, ЭИЭ).

Л и т е р а т у р а :

1. Букалов А.В. Соционика: теория интертипных человеческих отношений. - 1991.
2. Букалов А.В. О формировании

3. Бестужев-Рюмин К. О различных взглядах на Петра Великого в русской науке и русском обществе / Журнал министерства народного просвещения. 1892, № 4.
4. Богословский М.М. Петр I . Материалы для биографии. - М., Соцэкгиз, 1941.
5. Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. - 1871.
6. Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. - М., 1989.
7. Платонов С.Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. - 1926.
8. Платонов С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. - 1926.
9. Позоровская Б.Д. А.Д.Меншиков, его жизнь и государственная деятельность. - СПб., 1895.
10. Погодин М.П. Царевич Алексей Петрович. По свидетельствам вновь открытым.
11. Пушкин А.С. История Петра. - \ Полное собрание соч., т.8, 1954.
12. Терновский Ф. Император Петр 1-й в его отношениях к царевичу Алексею. - К., 1911.
13. Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. - М.; Л., 1988.
14. Фирсов Н.Н. Петр I Великий, московский царь и император Всероссийский. Личная характеристика. - М., 1916.
15. Ярош К. Психологическая параллель. Иоанн Грозный и Петр Великий. - 1898.

